

ПОЭЗИЯ ПЕСЕННОЙ ПРАВДЫ

НАЧАЛЬНЫМ этапам биографии В. П. Соловьева-Седого — его детству, первым музыкальным впечатлениям, годам консерваторского обучения порой придают слишком большое значение. Как композитор он сформировался поздно и прежде всего в результате практической работы, многочисленных проб с мучительными неудачами, длительными поисками своей темы, жанра, «почерка».

Хотя в тридцатые годы Соловьеву-Седому удалось добиться известности, расцвет его творчества наступил в период Великой Отечественной войны: ее суровые требования, напряженная атмосфера, необходимость полной отдачи сил сконцентрировали энергию, открыли мощные «шлюзы» творчества. Именно в военные годы Соловьев-Седой становится одним из ведущих авторов советской песни. Складывается тот его богатый песенный ряд, который позволяет говорить о мастере, сформировавшем стиль, если понимать под стилем не единство приемов, а «лица» необходимого выражения, сразу выделяющее создание композитора из потока массовой песенной продукции.

Утром 24 июня 1941 года Соловьев-Седой принес в Ленинградский радиокомитет новую песню — свою первую песню военного времени «Играй, мой баян», а вечером она уже звучала на всю страну.

Из Оренбурга, куда эвакуировалась группа ленинградских композиторов, Соловьев-Седой уезжает на фронт с эстрадным театром «Ястребок», названным в честь известных советских самолетов-истребителей. Он играет на аккордеоне, сочиняет стихи, музыку — делает все, что требуется для передового театра, призванного обслуживать бойцов передовых позиций.

Завязывается прочная дружба с фронтовиками, и в их среде композитор встречает поэта, которому бесхитростными, душевными стихами почти всегда удается будить его музыкальное чувство: то был Алексей Фатьянов.

Если подходящих текстов под руками не оказывается, Соловьев-Седой сам подбирает к мелодиям стихотворные рефрены, концентрированное выражение темы песни. По рефренам поэты потом уже пишут текст: так возникает процесс «обратного» творчества, когда не слово вызывает музыку, а, наоборот, мелодия становится первоисточником стиха. Здесь последовательно проявляется особенность психологии композитора: важность для него не столько конкретного слова или ритма стиха, а настроения, эмоционального состояния, душевного «подтекста».

В концертных поездках создаются многие лучшие его песни военного периода: «О чем ты тоскуешь, товарищ-моряк», «На солнечной поляночке», «Соловьи», «Потому что мы пилоты». Их поют миллионы как музыку, близкую, волнующую, необходимую.

С необычайной остротой он «слушает время», улавливает его пульс и как бы пишет его музыкальную летопись. Шостакович — в симфонии, камерных произведениях Соловьев-Седой — в песне.

Ничего плакатного, никакой схематичности! Все как бы «пропускается» через собственное сердце, окрашивается собственным чувством и обращается к людям как доверительный разговор с собеседником. Простое понятие — искренность — обретает первозданную чистоту и безошибочную силу воздействия. Песне веришь, песню переживаешь: она страница и твоей жизни. Так возникают нити тесного общения, единства произведений и слушателя.

«Не надо пытаться переключать войну», — писал в 1944 году поэт Алексей Сурков, напоминая об актуальности сердечной лирики. И о том же — Всеволод Вишневский из осажденного Ленинграда: «Сухие, лобовые агитационные стихи никому не нужны, идут мимо души. У всех обнажены нервы, — видишь, как люди утирают слезы, остро реагируют».

Соловьев-Седой с творческой

стием симпровизировал несколько вариаций и потом, уже перед концертом создал фортепианную транскрипцию песни, сыграл ее, прощаясь с советскими людьми в Москве, и увез за рубеж, на свою родину, как песню дружбы.

РЕДКИЙ случай в истории музыки: композитор получает мировое признание, работая по преимуществу в одной области — песне; как бы ни любил Соловьев-Седой писать оперетты, балеты, значение этих жанров для него — вспомогательно, и их успех ни в какое сравнение не идет с успехом песен. Да, собственно, и оперетты его песенны. Не драматургия, не танцевальность, а лирическая песенность составляет их специфику. И там, где композитор не отступает от того, что составляет суть его таланта, где он органически сочетает принципы песенности с динамичной опереточной драматургией, ему сопутствует удача: таковы многие

Соловьева-Седого приобретает значение практическое, облегчая поиски молодым песенникам.

С годами Соловьев-Седой все чаще участвует в смотрах песни, конкурсах, прослушиваниях, консультирует поэтов, композиторов. Ни одно письмо, ни одно обращение не оставляет он без ответа — прирожденный педагог по опыту, душевным человеческим качествам, к сожалению, не призванный в Консерваторию, которой он так много мог бы дать.

Работая, маститый композитор продолжает учиться. Не только у признанных мастеров старшего и среднего поколений, но и у своих молодых последователей — Александры Пахмутовой, Андрея Петрова, Валерия Гаврилина, Вениамина Баснера, Александра Колкера. Если сейчас можно уверенно говорить о значительной ленинградской школе мастеров создания песни, в этом заслуга двух ее ста-

кинофильму «Шельменко-денщик» — музыкальный водевиль. Другая линия творчества — впечатляющая музыка к фильмам-драмам «Вири-нея», «Любовь Яровая», и вновь водевиль «Брак по любви», законченный прошлым летом и с успехом идущий в театрах Омска, Кемерово и других городах. В промежутках между значительными работами — несколько песенных «интермеццо»: для ансамбля имени А. В. Александрова, для почтовых работников к их юбилею. Как когда-то Иоганн Штраус, мастер советской песни отнюдь не отказывается писать песни по просьбам, заказам, относясь к такой работе со всей серьезностью.

Успех «Северной поэмы» побуждал композитора приниматься еще за одну совместную работу с Глебом Горбовским — цикл «Поэма о любви», на этот раз весьма обширный — двенадцать романсов. Тема: поэтически-философское осмысление любви человека в ее глубочайших проявлениях: любовь к родине, природе, матери, верность в любви, сила любви.

СЕЙЧАС еще рано уверенно объяснять суть сдвигов в лирике Соловьева-Седого: еще не все является достаточно определенно. Опасно и равно бесполезно преувеличивать значение отдельных неудач или спешить чрезмерно восхититься удачами, многими находками.

Признание, благополучие, новые достижения — ничто не может погасить в нем привычной жажды труда и совершенствования.

Не риску называть его творческую деятельность ни подвигом, ни усилием воли — она для него естественная потребность. Он творит не потому, что должен творить, а потому, что не может не творить. Все, что он чувствует, слышит, наблюдает, переживает, — все трансформируется его воображением в чудесные мелодии-песни.

По-прежнему удивительно сочетается в нем трудовая систематичность с непосредственностью создания, пренебрежением к ремесленной привычке. Соловьев-Седой пишет сразу почти что начисто — во всяком случае мелодическую основу песни, не любит переделки, музыка рождается впечатлением, моментом, картиной, взбудоражившей чувства, когда мелодия словно вспыхивает в сознании.

Как и прежде, он с обостренной чуткостью всегда видит, слышит, представляет человека, которому адресует песню. И, не стыдясь простых и вечных для песни требований доступности, понятности, необходимости, в каждом сочинении старается добиться такой вот абсолютной демократичности, с нескрываемым пренебрежением относясь к музыкальному снобизму, замкнутости, формальному изобретательству.

Истинная простота вызывает колоссальную затрату труда, внутренних душевных сил. Простота песен Соловьева-Седого совершенна, благородна, гармонична — потому она и производит такое неизгладимое впечатление, оставляя такой след в душе.

Софья ХЕНТОВА

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР ПРЕКРАСНОГО

Недавно народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Василий Павлович Соловьев-Седой за творческие достижения награжден вторым орденом Ленина и удостоен золотой медали имени А. В. Александрова за создание песен для воинов Советской Армии.

Публикуем отрывок из очерка о творчестве композитора. Полностью он войдет в сборник «Белые ночи», подготавливаемый Ленизда-том.

убежденностью и решительностью, которую дала ему деятельность военных лет, бескомпромиссно отмечает крайности красок, распространенные в песне. Этому человеку, всегда полному радости и сочувствия, оказывается чуждым как чрезмерно яркое освещение солнечных сторон, так и преувеличенное изображение негативного. Его «Вечер на рейде» отдельные профессионалы-музыканты критиковали за мягкость: «сухие» умы, привыкшие к торжественности, маршевости некоторых песен, настораживала интимность воплощения военной темы. Но композитор не отступает от правды, не подчиняется временным поветриям песенных штампов, приносящих быстрый, но мимолетный успех. Его чувство правды говорит, что и время жестоких военных испытаний нуждается в лирическом слове, потребности в нем большая, нежели в любое другое время. И Соловьев-Седой щедро дарит это слово песенной правды, чуждой парадности и славословия.

Именно волнующее воплощенная правда чувств, равно близкая людям на земле, и приносит в послевоенные годы композитору мировую славу. Его песни распространяются повсеместно, тексты легко переводят на разные языки. Иногда создают и своеобразные национальные варианты полюбившихся мелодий: в Италии, например, метко прибавив к «Подмосковным вечерам» лишь одну ноту, придали, таким образом, песне итальянский колорит. Помню, как сразу отдались власти мелодии Соловьева-Седого приехавший на московский музыкальный конкурс американский пианист Ван Клайберн, до того не знавший ничего о ленинградском песеннике. Стоило последнему наиграть «Подмосковные вечера», как Ван немедля с живейшим удоволь-

страницы его музыкальных комедий «Восемнадцать лет», «Самое заветное», «У родного причала».

Его дар песенности заключается в способности и умении развертывать мелодии необычайной пластичности, меткости, рельефности, оригинальности при внешней простоте оформления. Кажется: мелодии импровизируются, рождаются как результат душевных накоплений — из самого ощущения жизни — не сочиняются, а подслушиваются, берутся у народа и ему возвращаются. Это — главное.

С течением времени появляются новые разновидности песенного жанра. Соловьев-Седой все познает, изучает, анализирует. Но стоит на своем — простых и вечных истинах: не отрывать от глубинных первоисточков, не подчиняться случайным движениям, не отказываться от национального своеобразия, естественного мелодизма ради проходящих новшеств.

Опыт, жизненная мудрость пробуждают в композиторе стремление осмыслить, обобщить и свой путь, и те процессы, которые столь бурно проходят в песенном жанре. Обратим внимание на его все более многочисленные, часто дискуссионные, вне объективных формул, всегда интересные высказывания, статьи — они появляются в журналах, газетах, вызывая живой отклик, бурление творческой мысли: мастер, принадлежащий ныне уже к старейшему поколению советских композиторов, стремится влиять и несомненно влияет на уровень, направление творческой работы.

Его волнует национальное своеобразие песни и ее мелодический стиль. Исключительно важными, основополагающими представляются суждения и о тексте, аккомпанементе, исполнении, инструментальном сопровождении: здесь опыт Со-

рейшин — И. Дунаевского, В. Соловьева-Седого.

В послевоенные годы, хотя его замечательные песни «Если бы парни всей земли», «Подмосковные вечера» имеют успех и композитору по-прежнему сопутствует широкая популярность, Соловьев-Седой ищет пути творческого обновления. Быть может, теряя в легкости, в продуктивности творчества, он выигрывает в значительности. Поиски прежде всего касаются лирической протяжной песни. Он стремится расширить ее образный мир, сделать ее разнообразней, тоньше по средствам выразительности, придать большую свободу песенной форме. Композитор пишет песни-раздумья, песни-монологи, пейзажные зарисовки; в его творчестве проступают элементы несвойственной ему ранние философской лирики. Углубляется драматическое содержание. Возрастает место полифонических элементов в сопровождении.

Источники обновления он ищет в современной русской поэзии. Роль поэтического текста, эмоциональная значимость поэтического слова в его песнях заметно увеличиваются. На письменном столе всегда сборники, рукописи молодых поэтов. Читает много, жадно, внимательно, запоминая стихотворения наизусть, импровизируя музыку на понравившиеся тексты.

Характерен вокальный цикл «Северная поэма» (стихи Глеба Горбовского) для чтеца, баритона и фортепиано — опыт синтетической формы, с равноправием слова, музыки, инструментального сопровождения, с ясным влиянием драматической песенности Мусоргского. Цикл о тревожной юности с жадой странствий, познания природы, духовного самоуглубления.

И как контраст этой работе следующая затем искристая музыка к